

НОВЫЕ КНИГИ О ЛОНДОНСКОМ ТЕКСТЕ

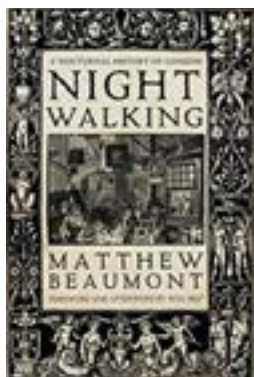
Ольга Анатольевна Джумайло

доктор филологических наук, зав. кафедрой теории и истории мировой литературы Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: dzum2@yandex.ru

Аннотация. Обзор книг о лондонском тексте обращен к истории и методологии изучения художественных репрезентаций Лондона в западной традиции, в последние десятилетия испытывавшей влияние культурного и пространственного поворотов. Отмечается, что традиционный семиотический ракурс исследования городского текста дополняется не-репрезентативными теориями, концепцией перформативности, дискурсивными и нарративными подходами. В отдельных работах используются близкие лотмановскому пониманию «городского текста», но не тождественные ему понятия «повествование о городе» (“narrated city”), «городской нарратив» (“urban narrative”), «художественная репрезентация пространства» (“fiction of space”), а также «городской роман» (“city novel”), складывающийся в отдельный жанр. Активно используются метафоры палимпсеста, лабиринта и параллаксного видения (Жижек). Современный Лондон как событие предстает в ситуации вечного становления и требует от его исследователя добровольного отказа от «профессионального понимания» (Уолфрейс). Более подробно в обзоре освещены недавно опубликованные монографии «Лондонский туман. Биография» (2015) Кристин Кортон, «Ночные прогулки: ночная история Лондона» (2015) Мэттью Бомонта, «Современная мультикультурная проза: культурное многообразие и лондонский роман нового тысячелетия» (2014) Майкла Перфекта и «Лондон в современной британской литературе» (2018) под ред. Ника Хаббла и Филипа Тью.

Ключевые слова: лондонский текст, культурный поворот, пространственный поворот, городские исследования, Лондон.

Лондон молит о том, чтобы его
переписали.
Иэн Синклер

Чарльз Диккенс, один из первых вдохновенных исследователей Лондона, назвал его «невозможным для понимания беспорядком». Спустя столетия город продолжает вызывать смешанный отклик у своих энтузиастов. Одно из первых систематических исследований Лондона, “London in English Literature” Х. Бойнтонна [Boynton], появилось еще в 1913 г., обозначив все более популярную нишу в современных городских исследованиях, с одной стороны, и в изучении английской литературы, с другой. Книга заложила основу культурно-исторических, жанровых, компаративных и междисциплинарных подходов в отношении феномена Лондона.

Однако, прежде чем обратиться к обзору книг, посвященных лондонскому тексту, необходимо сделать оговорку: само понятие «лондонский текст» в сознании отечественного исследователя тесно связано со ставшим каноническим подходом Лотмана к городскому тексту и, как правило, трактуется в семиотическом плане. Однако сфера изучения лондонского текста в западной науке предлагает самые разнообразные методологические сборки, в которых закономерно важным продолжает оставаться семиотический компонент, но уже как элемент иных

теоретических и практических построений. Кроме того, в последние десятилетия литературоведение испытало на себе заметное влияние так называемых культурного и пространственного поворотов, что серьезно изменило предмет, объект, дисциплинарный контекст и методологию исследования городского текста. Вклад отечественных теоретиков Бахтина и Лотмана в изучение пространства неоднократно подчеркивается на Западе, но в авторитетном издании “Key Thinkers of Space and Place” (2011) [Hubbard, Kitchen] их имена отсутствуют.

Многочисленные работы библиографической и исторической направленности фиксируют все сочинения, в которых сюжет связан с Лондоном. Согласно П. Бейли и его “Oxford Book of London” (1996) [Bailey], хроника литературного Лондона начинается с сочинений монаха XII в. и едва ли может быть представлена исчерпывающе полно. Вполне объяснимо, что книжная продукция разных жанров, обращенная к широкой аудитории, предлагает ту или иную конфигурацию писателей-лондонцев с неизбывным Диккенсом в авангарде. Масштабный обзор по данной теме, указывающий на стремительно возрастающий интерес к ней как среди авторов популярных книг о Лондоне, так и в академическом сообществе, представлен в энциклопедическом издании “Cambridge Companion to the Literature of London” (2011) под редакцией Лоренса Мэнли [Manley]. Работа имеет не-

сколько заметных преимуществ: она восполняет лакуны истории литературного Лондона от Средневековья до настоящего времени; помимо «городского романа», обращена к поэзии, драматургии, нехудожественной прозе, визуальной культуре и кинематографу; свободно апеллирует к междисциплинарным подходам, предложенным современными теоретиками пространственного поворота (Spatial Turn).

Исследования социологов города (Зиммель, Парк), а также работы теоретиков, тесно связанных с исследованием городской ментальности (Лефебр, Кастельс, Харви, Соджа, Оже, Дебор, Бодрийяр, Сеннет), предлагающие разнообразные новые подходы и понятия (например, «не-место», «третье место» и «места памяти», «открытый город» и т. д.), во многом повлияли на новейшие исследования городского пространства в художественной литературе. Не-местом или «третьим пространством», гетеротопией становится, к примеру, лондонское метро. Понимание городской идосинкразии и глобализованной метрополии активно разрабатывалось представителями новой культурной географии и семиотиками города (Хаймор, Трифт, Кинг). Пространственный поворот в гуманитаристике заставил мыслить повседневные практики в единстве физического, социального и ментального аспектов. Современные урбанисты и представители культурной географии рас-

сматривают город как нарративное пространство.

Так, Лондон оказывается в центре размышлений об идентичности, воображении, памяти и истории. Лондон Блейка будет и тем же, и иным, нежели Лондон Диккенса, Томаса де Квинси, Байрона, Генри Джеймса, Джозефа Конрада, Конан Дойля, Уайльда. Но при этом все эти тексты будут заметно отличаться от условного фотографического и познаваемого, «реального» исторического Лондона. Художественный образ Лондона создает «риторическое событие поэтической картографии» [Wolfreys:18], предлагает пространство странное, непредсказуемое в своей событийности, гиперреальное, фрагментарное и апокалипсическое, но при этом не теряющее узнаваемости повседневных очертаний.

Среди монографий последних лет: “Imagined Londons” (2002) П. Гилберт, “London in Literature. Visionary Mappings of the Metropolis” (2002) С. Онеги и Дж. Стотсбери, “The Swarming Streets. Twentieth-Century Literary Representations of London” (2004) Л. Филлипса, а также “(Re-)Mapping London. Visions of the Metropolis in the Contemporary Novel in English” (2008) В. Гинери. Дискурсивный подход заметен в “The Making of London (2011) С. Гроеса и “Intelligible Metropolis”(1999) Д. Теске. «Лондонская ментальность» (“London mentality”) – другой аналог понимания лондонского текста у Н. Плеске [Pleske] – пред-

полагает единство мысли, чувства, воображения и действий, имеющих источником специфическую городскую среду. В этом тексте семиотический подход дополняется нерепрезентативными теориями, концепцией перформативности и нарратологическим подходом.

Отдельный путь исследования Лондона предлагается через пристальное прочтение произведений избранных писателей (здесь лидируют Диккенс, Акройд, Синклер, Муркок, Селф, Ливли) в отдельные эпохи. Отмечается, что в 1980–1990 гг. на лондонской сцене доминировали Иэн Синклер и Питер Акройд, впрочем, продолжающие создавать как документальную, так и художественную прозу и позже (см. романы Акройда “The Plato Papers” (1999), “The Clerkenwell Tales” (2003) and “The Lambs of London” (2004)). Только за одно десятилетие 1997–2007 гг. было опубликовано более четырехсот романов, отражающих «лондонскую ментальность», а в 2000 г. – 50 [ibid.]. Наиболее часто фигурируют в качестве лондонских текстов современной английской литературы романы Макьюэна (“Saturday”), Моники Али (“Brick Lane”), Ника Хорнби (“Along Way Down”), Джеймса Балларда (“Millenium People”), Мэгги Джи (“White Family”), Зэди Смит (“White Teeth”), Иэн Синклер (“Dining on Stones”), Гаутам Малкани (“Londostani”), Тоби Литт (“Corpsing”), Джона Кинга, Уилла Селфа (“The Book of Dave”). С. Уотерс исследует викторианский

Лондон (“Tipping the Velvet”, “Affinity”), Алан Холлингхерст – Лондон эпохи Тэтчер (“The Line of Beauty”), постколониальный городской контекст представлен в романах Андреа Леви (“Small Island”).

В отдельных работах различаются повествование о городе (“narrated city”), городской нарратив (“urban narrative”) и художественная репрезентация пространства (“fiction of space”). Последняя оказывается близкой, но не тождественной городскому роману (“city novel”), складывающемуся в отдельный жанр. Так, в работах англистов и американистов (Gelfant, Hoffmann, Klotz, Breuner, Mahler, Hertel и др.) городской роман в узком смысле слова предполагает, что: в романе представлен город как физическое место действия, показаны картины городской жизни, созданы особая атмосфера, «характер» и специфическая ментальность города; город влияет на мироощущение героев и их судьбу, т. е. является сюжетогенным фактором текста; разнообразные формальные элементы текстового целого (от архитектоники до стиля) создают специфическую концепцию города. Например, в монографии К. Хертель, выделяются: психолого-архетипический подход (связь между психологией героя и символикой города); эстетико-тематический подход (связь между описываемым городом и используемыми повествовательными стратегиями); социально-исторический подход (связь между обществом, городом, романной традицией)

[Hertel]. Последний подход активно развивается в связи с вопросом современного многонационального мегаполиса и культурой диаспор.

В свою очередь «художественная репрезентация пространства» (“fiction of space”) демонстрирует, что именно пространство оказывается в центре сюжета, сознание персонажей тесно связано с семиотикой места, комментарии в отношении текста относятся преимущественно к вопросам пространства, а его художественная репрезентация реализуется согласно индивидуальным или культурным моделям и демонстрирует свой «конструктивный» замысел [Hallet].

Любопытно, что термин «городской текст» (“city-text”) возникает у деконструктивиста Уолфрейса, по мнению которого, город, всегда погруженный в культурный и исторический контекст, при этом всегда находится в процессе динамического изменения и, таким образом, становится текстопорождающим пространством (“textual place”), «местом постоянно меняющихся соприкосновений, сопряжений, взаимодействий, повторяющихся следов и новых разметок» [Wolfreys:18]. Миметическое задание в «городском тексте» выполняется совершенно иначе, как если бы за него принимался документалист, фиксирующий материальную и фактографическую онтологию города; очертания псевдореалисти-

ческого ландшафта города в нем становятся «сценой письма» (“the scene of writing”).

Палимпсест продолжает оставаться наиболее востребованным метафорическим понятием в отношении Лондона и доминирующей структурой мышления о городе. Как правило, подчеркиваются связи исторического, психогеографического, социокультурного, интертекстуального и гипертекстуального, которые лежат в основе научного понятия палимпсест в отношении города и городской ментальности. В особенности интересны в этом отношении романы таких современных авторов, как Акройд, Николсон, Стивенсон, Ройл. Метафора палимпсеста также прекрасно справляется с гетерогенностью и «пористостью» современного городского текста, перегруженного темпоральными, пространственными, социальными, интертекстуальными и гипертекстовыми напластованиями. Палимпсест перестает быть преимущественно семиотической метафорой и втягивает в себя также опыт аффективного взаимодействия и опыт воображения, выступает как эмблема психогеографии, комбинирующей личный и исторический опыт, запечатленный в сознании, а также позволяет увидеть сложную «кладку» межкультурных и классовых блоков в городском пространстве.

Современная постпозитивистская трактовка пространства предполагает его рассмотрение как необходимого звена в системе других понятий и зависимого от них.

Пространство динамично и ускользает от определения, является следствием культурных факторов и их определяет. Говоря о Лондоне, исследователи часто отказываются от «последнего слова», находя вдохновение в «следе», «неразрешимости», «призраках» городской «другости». Литературоведческие исследования лондонского текста последних десятилетий обращены к городским метафорам, истории и «идентичности» города, а также городской «ментальности» (органическое единство мышления, воображения, ощущения и действия в разнообразных формах городской социализации и аккультурации [Pleßke]). Современный Лондон как событие предстает в ситуации «перманентного транзита, вечного становления» и требует от его исследователя добровольного отказа от «идентификации», «контроля» и «профессионального понимания».

Так, если и возникает некая парадигма лондонского текста, то выглядит она как вызов – постоянство значений уступает перформативности, монументальная типология – протейности и подвижности пространства города-лабиринта, его вибрации и множественности. Уолфрейс [Wolfreys], к примеру, обнаруживает в лондонском «городском тексте»: семантику скрытого; семантику беспокойства; семантику невероятной избыточности явлений городской жизни, сопротивляющихся пониманию; семантику непостижимости, избегания всякой определен-

ности, сопричастности возвышенному, из-за отсутствия какого бы то ни было порядка, лежащего в топографии Лондона (в отличие от Нью-Йорка и Парижа); семантику перформативного «театра памяти» [Samuel] и вечного присутствия призраков прошлого [Benjamin]. Возможно, конкретизация Плесске [Pleßke] явилась ответом на ускользающую теоретическую конструкцию Уолфрейса. Ею отмечаются как черты современной лондонской (художественной) ментальности: мотивы эскапизма и изоляции от назойливого вторжения медиа в личное пространство; ментальность «подземки» (“subterranean structures of mentality) как способность к ориентации в зоне социального и транскультурного контакта; подвижное и перцептивно активное восприятие человеком города, аффективное взаимодействие и «схватывание» городского ландшафта во время движения по нему (прогулка, фланирование, передвижение на машине и др.); эмоциональное значение временных связей другими, чужими, посторонними людьми, в условиях разрушения традиционных семейных моделей, социального и пространственного «кочевничества»; острое амбивалентное чувство принадлежности городу и положения аутсайдера как следствие нарастающей гибридности городского социального пространства, его классовой, этнической и гендерной аномальности; гипертрофированная потребность современного героя-лондонца в самоопреде-

лении и самовыражении; общее чувство тревоги и страха, беспокойства и ненадежности.

Более того, каждый писатель и поэт по-своему вписывает пространство улиц, площадей и городских парков в сложный ансамбль разнообразных культурных представлений, структур власти, дискурсивных практик эпохи и т. д. Лондон перестает быть топографическим объектом, представленным в разнообразных художественных репрезентациях, местом, которое потенциально можно посетить, так как современные исследователи Лондона свободно пересекают границы реального и воображаемого пространства города. То, каким Лондон предстает перед объективным взглядом социолога, топографа и историка, все чаще выступает в симбиозе с воображаемыми и аффективными состояниями, которые его пространство рождает в поэтическом сознании и сознании читателей.

Одним из первых к сумеречному образу Лондона в художественном воображении обратился Дж.Б. Пристли, отмечая странность, размытость и дисперсию уже в «Дон Жуане» Байрона и «Оливере Твисте» Диккенса. Но феномен тумана ждал серьезного осмысления в фундаментальном исследовании.

Монография **Кристин Кортон «Лондонский туман. Биография» (2015)** продолжает ставший популярным подход, предложенный Питером Акройдом в его масштабных «биографических» исследованиях Лондона и Темзы. При всем объеме историко-культурных

и литературных сведений эти книги обыгрывают идею «рождения» культурного феномена (города, реки, тумана), формирование его «облика» и «характера», перипетии «судьбы» и, конечно, «влюбленность» в него поэтов и художников на протяжении нескольких столетий. Бытие лондонского тумана, таким образом, перестает быть лишь специфическим природным явлением, но возникает вместе с его первыми оглашениями в текстах культуры 1840 г. Неслучайно имени, данному лондонскому туману, в книге уделено немалое внимание – “pea-souper”, “London ivy”, “London particular”, “King Fog”. Уже привычная логика и / или объясняет появление специфического желтоватого тумана в Лондоне неприятными последствиями промышленной экспансии и невероятного роста города (загрязнение угольной пылью) и, возможно, первыми признаниями его существования в знаменитых романах «Лавка древностей» (1841) и «Холодный дом» (1853) Диккенса. Писатель, в письмах называющий Лондон «гнусным местом» (“vile place”) и с невиданной до него полнотой воссоздавший жизнь города и его обитателей, включая маргинальных, эксцентричных и криминальных представителей городского социального котла, дал столь же полное описание тумана, со временем превратив его из повседневной реалии, связанной с индустриальным загрязнением атмосферы, в метафору (неблагополучия, болезни, обмана, моральной слепоты, паники, сумасшествия, опасно-

сти, фатального случая и др.) и сюжетогенный мотив. Более того, туман Диккенса «становится знаком Лондона, его институтов, его социального устройства», царящих в нем чувства «тревоги и утраты контроля» [Corton]. Как показывает Кортон, ни один из литераторов или художников не избежал влияния «семиотики тумана», эффектно заявленной Диккенсом.

Обзор репрезентаций эфемерной субстанции охватывает литературную классику и поэзию, популярное чтение и песенную культуру, живопись, графику, фотографию и карикатуры, тексты репортажей и очерков, записи парламентских дебатов и пр. Комические зарисовки Джорджа Крукшенка запечатлели баснословные туманы (тяжелый угольный дым, смешанный с водяными парами) начала XIX в., ставшие поводом для сенсационных репортажей Times о возникающей то и дело панике и прискорбных несчастных случаях. Угольное облако тумана, столь часто заволакивающее улицы Лондона в эту пору, не только удостоилось нескольких строк в «Дон Жуане», но и заставило лавочников позаботиться о газовом освещении улиц, повлекло за собой высадку устойчивых к туманам платанов, изменило лексикон рабочих барж на Темзе и едва не погубило больных астмой горожан (London ivy). Впрочем, неприятный туман, практически никогда не называемый смогом, стал визитной карточкой Лондона (London particular),

а несколько позже – поводом для ностальгии. Представленные в книге карикатуры из "Punch" показывают амбивалентность тумана в национальном сознании на протяжении столетия.

Среди «писателей лондонского тумана» не только Джордж Гиссинг, Джозеф Конрад, Генри Джеймс, Джон Голсуорси, Генри Грин и Сэм Сэлвон, Ивлин Во, но и бесчисленное количество сенсационных романистов, в известной степени инструментализирующих туман и закрепивших за ним устойчивую семантику тайны и преступления. Так, лондонский туман превращается в риторическую формулу и помнится читателям даже тогда, когда его присутствие в тексте незначительно, как, например, в «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» Стивенсона или рассказах Конан Дойля. Любопытно, что в материале "Daily Telegraph" леденящая сердце история преступлений Джека Потрошителя прямо связывается с театральной постановкой романа Стивенсона. Более того, она становится еще более сценичной благодаря туману, которого в действительности не было в исторические моменты преступлений. Связка тумана и преступления еще более укрепится благодаря популярному кинематографу, триллерам и фильмам, снятым в эстетике нуара как в Великобритании, так и за рубежом. Хрестоматийным примером становится «Жилец» ("The Lodger: A Story of the London Fog") Альфреда Хичкока.

Цветовая палитра и особая гаптика лондонского тумана также разнится, вступая во взаимодействие с не менее сложной субстанцией воображения художников и поэтов. Если в газетной хронике и у писателей-реалистов туман «желтый», как цвет горохового супа для бедноты, то у Т.С. Элиота он «бурый», в сенсационных романах, фильмах нуар и триллерах неизбежно «густой и плотный», в эпизодах психологического напряжения – «липкий», а на картинах Тернера, Моне, Уистлера, Делакруа, Бартон – скорее, мерцающий, лишаящий объекты материальности, создающий специфические эффекты грезы. Особый интерес вызывают работы японского художника Йошио Маркино, специально прибывшего в Лондон, чтобы увидеть туман. Погрузиться в лондонскую атмосферу и оставить о ней воспоминания было суждено Верлену, Рембо, Мелвиллу, Готорну и даже маршалу Н.А. Булганину, посетившему Лондон в 1956 г., после принятия парламентом Clean Air Act (закон об охране воздуха от загрязнения), ознаменовавшего исторический конец «лондонского тумана».

Литературоведам будет интересно ознакомиться с оригинальными развернутыми интерпретациями образа тумана в романах Диккенса («Лавка древностей», «Холодный дом»), Стивенсона («Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»), Джеймса («Женский портрет»), Конрада («Секретный агент»). Увлекательная и хорошо иллюстри-

рованная монография лишена всякой ложной сенсационности, избегает «городского фольклора» и позволяет представить феномен тумана также с позиций культурной истории и имагологии, социологии города, истории медицины, истории повседневности и даже политической истории.

Любопытно, что Лондон тесно связан с амбивалентным чувством «привлекательности отвратительного» (“attraction of repulsion”), что проявляет себя в первую очередь продуктивностью криминального сюжета на лондонской городской «сцене», страшными готическими сюжетами, в современном романе имеющими также вариации на тему террористических атак и насилия. Интерес к этому элементу «лондонского текста» заметен и в последние годы. Междисциплинарное исследование **Мэттью Бомонта «Ночные прогулки: ночная история Лондона» (2015)** обращено к опыту освоения опасного и интригующего ночного города в литературе, в той или иной степени разрушающей табу на показ девиаций, бродяжничества, криминальных и сексуальных нравов, а также полицейского контроля.

Предисловие Уилла Селфа, писателя и журналиста, городского фланера, как нельзя лучше представляет жанр книги как виртуальной прогулки в историю опасного города бродяг, пьяниц, проституток и воров, каким он виделся уже Чосеру. Перед нами – «культурная история индивида, выброшен-

ного в свободный дрейф по городской тьме». Хронология образов ночного Лондона описывается с эпохи Средневековья до поздневикторианского времени и наиболее полно предстает на примере текстов Шекспира, Дефо, биографических очерков Джонсона, Голдсмита, Сэвиджа, Вордсворта, Блейка, де Квинси, Китса, Диккенса, а также француза Лесажа и американца По. Кроме того, большой интерес вызывает включение в книгу размышлений над живописью и графикой Хогарта, многочисленными текстами, опубликованными в сенсационной периодике. Аффективный план опыта погружения в ту или иную эпоху не замещает достаточно подробного освещения истории городского планирования, изменений социальных и повседневных практик (освещение улиц в конце XVII в., смена ночного дозора на полицейский контроль в начале XIX в., социальная перестройка XVII в. и пространственная экспансия XIX–XX вв. и т. п.), что повлекло за собой изменение классовых и гендерных импликаций, связанных с ночными прогулками: эстетизация ночной жизни богемой дополнила криминальную репутацию ночного Лондона.

Исследование, чуждое всякой схоластике, все же предлагает типологию ночных бродяг, с учетом нюансировки их социального статуса, характера передвижений по городу, намерений и даже физического состояния ходока (*noctambulant, noctivagant, night-*

walkers, pedestrians, vagrants, mad traveler, wanderer и др.). И вновь Диккенс – «великий героический и невротический ночной бродяга XIX века» – первым, согласно Бомонту, задается вопросом дефиниции ночных прогулок, указывая на блуждание и, возможно, опасный соблазн (“going astray”) разрушения основ «капиталистического мышления»: в своей пронизательной статье для “All the Year Round” он различает прогулку с определенной целью и «полное промедлений и романтического бродяжничества» (“loitering, and purely vagabond”) блуждание по городу как нелогичное и «некоммерческое» времяпрепровождение [Beaumont 2015]. Диккенс мыслится в терминах «наркотической зависимости» от ночных прогулок, связываемых с желанием временной потери идентичности и поиском эмоциональных источников для письма: Диккенсу буквально «нужны две мили ночного города», только Лондон и Париж могут дать ему достаточно творческой энергии. В Париже он, по собственным словам, наконец «убивает Домби».

С исторической и, в случае этого научного труда, леденящей кровью перспективы предстает и лондонская топография, Гайд-парк, Мраморная арка (некогда место «Тайбернского дерева»), Оксфорд-стрит, Пикадилли, Ламбет, Паддингтон. Феномен Граб-стрит, ставшей впоследствии нарицательным местом обитания литературных поденщиков, удостоился отдельной главы исследования.

Впрочем, улица приобрела известность также в связи с Оливером Голдсмитом, знаменитым «бродягой-философом» сентиментальной эпохи. Работа Бомонта интересна включением в разговор о ночном Лондоне поэтов и писателей второго ряда – Сэвиджа, Клера, Лэма, Ханта (бастард Ричард Сэвидж, однако, удостоился биографии своего компаньона по ночным прогулкам – Сэмюэла Джонсона), вовсе забытых поэтов и журналистов (Уильяма Паттисона, Пирса Игана, Джона Блэкмора и др.).

Обращение к историческим документам показало, что лондонские суды до XVI в. осуждали (часто на заточение в Ньюгейтской тюрьме или The Tun, специальной темнице для таких случаев) за ночные прогулки так называемых *postivagators*, бездомных и немущих скитальцев по городу. У Шекспира (“King Lear”) и позже у Дефо (“History of the Devil”) ночным прогулкам покровительствует Сатана. Мильтону приписывают поговорку «зло гуляет по ночам» (“evil thing that walks by night”). Помимо криминальных сюжетов, ассоциирующихся с ночными бродягами и нарушением общепринятой морали, предписывающей нормы повседневных практик как для мужчин, так и для женщин, ночные прогулки сходили с рук представителям высших сословий, но все же осуждались как небрежение к представлению об универсальном порядке и общественном благе, которое терпит убытки из-за ночного праздного вре-

мяпрепровождения. Уже в XVII в. рождается и сложное чувство притягательной меланхолии ночной прогулки, достоинства философского размышления, не лишенной эмблематики («вечный жид»). В связи с «Лондонским шпионом» Неда Уорда автор размышляет о «гротескном реализме» и «карнавализации» Бахтина.

Однако именно романтики максимально эстетизируют и драматизируют диалектику отчуждения и причастности, угнетенности и восторга освобождения, прозы и поэзии, лежащую в основании модерности современного города. Бродяга становится антигероем и «поэтом» (В. Беньямин) новой эпохи, воплощая «трансцендентальное состояние бездомности» (“transcendental homelessness”) (Г. Лукач). Амбивалентные чувства начинают находить выход в ассоциациях ночного города с призраками, таинственными и подчас апокалипсическими картинами. Топография Лондона в поэтическом видении Блейка предстает в очертаниях то Иерусалима, то Вавилона. Лондон де Квинси становится темным лабиринтом, а у его современника Чарльза Лэма вызывает целую гамму «городских эмоций» (“urban emotions”). Вместе с тем, возникло и понимание прогулки как способа самого существования (“a mode not of travelling but of being”), отсюда ямбические строфы Вордсворта закономерно связываются не с дыханием поэта, а с темпом его ежедневных прогулок.

Отдельная тема в рассмотрении лондонского текста – космополитизм столицы, все более возрастающий на протяжении столетий. Исследователи тесно связывают современный роман с историческим контекстом эпохи Тони Блэра: заметный экономический рост изменил настроение миллениалов, архитектурный и культурный облик столицы и возродил брэнд Cool Britannia, однако события 11 сентября, установка камер видеоконтроля, участие британцев в Иракской войне и нарастающая исламофобия не менее радикально изменили городскую среду.

С июля 2005 г., времени обнародования секретного доклада, озаглавленного «Молодые мусульмане и экстремизм», политики и комментаторы левых и правых взглядов были вынуждены признать крах идеи мультикультурализма как формы социального сосуществования культурных отличий, поддерживаемой правительством Блэра.

Не испытывающая нужды в теоретических пролегоменах и оговаривании методологических затей работа **Майкла Перфекта «Современная мультикультурная проза: культурное многообразие и лондонский роман нового тысячелетия (2014)»** предлагает исторический очерк романов о лондонских мигрантах из бывших британских колоний и об изменении Лондона в связи с миграцией, начиная со знаменитого ныне романа Сэма Селвона “The Lonely Londoners” (1950). Мультикультурность интересует Перфекта

в первую очередь, однако особая оговорка в отношении Лондона сформулирована с достаточной определенностью: «Исследование не стремится представить город (Лондон) в качестве всей Англии или Великобритании. <...> При том, что многие из рассматриваемых текстов поднимают вопрос “Что значит быть англичанином и британцем?”, наша главная задача указать на репрезентации мультикультурности в самой столице. Более того, Лондон – это и реальное, и художественно осмысленное пространство, объект отражения и творческого созидания его “мультикультурности”» [Perfect: 26]. В этом отношении закономерно появление разных образов Лондона: северо-западного у Зэди Смит, района Боро у Али Смит, Брикстона у Чикваве, Кингстона у Клива. В особенности интересно, как лоскуты на стеганом одеяле Лондона каждый раз приобретают новые символические значения.

Книга, опубликованная за несколько месяцев до Windrush скандала, напоминает, что со времен Боудикки до настоящего времени «Лондон никогда не был «монокультурным» городом» [Perfect: 4]. Согласно историкам, 10 % населения столицы уже в 1570-х гг. были мигрантами; удельный вес мигрантов при значительном росте населения города позже, в XVII–XVIII вв., составил 3 %. Однако литература о мигрантах – явление XX в. Если романы 1950-х гг. представлены именами Сэлвона, Лэмминга (“The Emigrants”) и Мак-

кинеса (“City of Spades”), то 1960-е гг. знаменательны публикацией романов Салки (“Escape to an Autumn Pavement”), текстом будущего Нобелевского лауреата по литературе Найпола (“The Mimic Men”), а 1970-е гг. – романами Эмечеты (“In the Ditch”, “Second Class Citizen”). Публикация романов с этого времени сопровождается набирающей популярность постколониальной теорией, идущей вразрез с разжигаемой Тэтчер ксенофобией и ностальгией по имперскому прошлому. Более подробно представлены три романа 1980-х гг. – “Sour Sweet”(1982) Тимоти Мо, “The Final Passage”(1985) Кэрил Филлипс, “The Satanic Verses” Салмана Рушди (1988) – названные автором «ключевыми».

Основной интерес для Перфекта-интерпретатора представили на настоящий момент канонические и невероятно успешные в коммерческом смысле тексты начала 2000-х гг. с «топографическими» заглавиями – “Brick Lane”(2003) Моники Али, “Small Island” (2004) Андреа Леви, а также “White Teeth” (2000) Зэди Смит, традиционно рассматриваемые в постколониальной критической перспективе, имеющей тенденцию к контрастным противопоставлениям. Расширение теоретического инструментария в особенности важно при интерпретации нескольких текстов лондонца Ханифа Курейши, в течение долгого времени педалирующего свой космополитизм, однако не-

изменно попадающего на полку романов, написанных «этническими меньшинствами». Размышления о магическом реализме, постмодернизме, мультикультурности, снятии барьеров между «серьезной» и популярной литературой по-прежнему актуальны и работают на городской проект Перфекта, желающего видеть в становящемся «новом каноне» мультикультурного лондонского текста также экспериментальные тексты, а не узнаваемый сюжет о лондонском гетто. В случае Курейши это отказ от стереотипного вчитывания «этнической» и «постколониальной» проблематики в тексты автора, скорее творчески использующего постколониальные клише и принадлежащего новому «пост-этническому» поколению писателей. Ирония над готовыми моделями чтения (“posed-ethnic”) заметна в элементах саморефлексии текстов Курейши, а также в выявлении ключевого мотива «ухода», что, по мнению Перфекта, часто сопровождается сюжетом романа воспитания: герой Курейши покидает родительский дом на окраине Лондона, чтобы начать новую жизнь в самом центре столицы. Перфект утверждает значение Курейши как автора, изображающего Лондон не столько пространством культурных и этнических столкновений, сколько местом, которое заставляет взрослеть – испытать опыт страдания, но быть готовым к спокойному и настойчивому его преодолению.

Подробный разбор романов Андреа Леви указывает на расшатывание в ее романах эссенциалистского противопоставления «белых» и «черных», ибо семейная история открывает ее героям подчас трудно постижимый опыт личных связей, несущих на себе этнические и культурные следы прошлого, не исчезающие с течением времени. Замалчивание и сокрытие исторического прошлого соотносится с хроникой личных отношений современных лондонцев и предстает в «полифонии голосов-контрапунктов» [Perfect: 75].

“White Teeth” – знаменитый дебютный роман Зэди Смит и на настоящий момент едва ли малоисследованный текст. Однако Перфект предлагает рассматривать его как хорошо продуманный проект, отрицающий манифестируемую «случайность» перемен, происходящих в эпическом повествовании Смит: «В Лондоне сложные отношения между британцами и мигрантами из бывших колоний могут быть преодолены и оставлены в прошлом» [Perfect: 79].

Более того, мультикультурный текст и текст о мигрантах, согласно автору, не обязательно принадлежит одному из представителей этнического меньшинства. Перфект идет против тенденции рассматривать тексты в непосредственной связи происхождения и этнического окружения автора. В работе предлагается разбор романов коренных британцев Криса Клива (“The

Other Hand”) и Стивена Келмана (“Pigeon English”), дающих социальный портрет мигранта в реалистическом, но взывающем к сочувствию ракурсе. Обращение Перфекта к деликатному вопросу «дружести» проблематизируется: пресловутая политкорректность, захватившая как книжный рынок, так и институт критики, становится инструментом цензуры. При этом автор, говорящий даже о «циническом повороте» (cynical turn) в современной художественной практике, подчеркивает расхождение между прокламируемой политикой мультикультурности и опытом расизма и неравенства в реальном Лондоне.

Перфект ограничивает себя изучением современных романов, посвященных лондонским мигрантам, выходцам из Британских колоний или их потомкам. Таким образом, еврейские, польские, греческие и другие общины, безусловно, играющие большую роль в социальном облике города и отраженные в романах Норта (“The Unnumbered”), Тремейн (“The Road Home”), Олдерман (“Disobedience”), Лэнчестера (“Capital”) в монографии лишь упомянуты.

На обложку сборника научных трудов «**Лондон в современной британской литературе**» (2018), выпущенного в бумажном переплете издательством Bloomsbury под редакцией известных исследователей современной английской литературы Ника Хаббла и Филипа Тью, помещена фотогра-

фия Лондона совершенно в духе постмодернистских фотографических видов из книги Перфекта. На первом плане – лишенный всякой эстетики архитектурный «задник» города, теряющего всякие очертания идентичности. Он открывает взгляду небоскреб Мэри-Экс, прозванный «лондонским огурцом» и знаменующий Лондон нового тысячелетия. Обложка напоминает о главной метафоре, избранной редакторами в качестве нового инструмента исследования Лондона – «параллаксом видении» (С. Жижек).

Метафора «параллакса» в онтологическом, научном и политическом смыслах позволяет рассматривать Лондон в режиме постоянного смещения объекта, вызванного изменением положения наблюдателя. Если в своем труде Жижек интересуется «промежутком параллакса», разделяющим две точки, между которыми невозможен синтез или посредничество, связанные «невозможным коротким замыканием» уровней, которые никогда не могут встретиться, то сама конфигурация статей в сборнике (от терроризма до музейных пространств, от теории хаоса до локализации эмоций) позволяет осмыслить современный Лондон и современную английскую литературу в категориях живого культурного и географического соприсутствия принципиально несоотносимых друг с другом феноменов (хайтек и культурное наследие; глобализация и этнокультурные включения мигран-

тов; разрыв между феноменальным опытом города как реальности и его научным и художественным «объяснением»). В такой перспективе Лондон становится «состоянием ума» (П. Акرويد).

В этом плане «параллаксное видение» – еще одна эффектная метафора, близкая, но не тождественная уже используемым в отношении опыта понимания города. Вспоминается Цуми [Tschumi: 49], который предлагает метафорический образ лабиринта для понимания города типа Лондона (исторически невозможное постижение и выражение целого; присутствие внутри пространства, при этом непосредственный опыт только его отрезка предлагаемого для понимания; приговоренность к нахождению внутри и невозможность общей перспективы).

По мнению авторов предисловия, важно различать взгляды и непосредственность восприятия города тех, кто родился в Лондоне (например Китс, Леви, Смит, Во, Вулф) и тех, для кого переезд в город стал своего рода потрясением (к примеру, Баллард, Диккенс, Мэнсфид, Лессинг, Найпол и др.). Пожалуй, более всего заявке «параллаксного видения», отражению сложной динамики лиминального и нелиминального Лондона, соответствует разбор романа “The Book of Dave” (2006) Уилла Селфа, предложенный С. Дженнером, преподнесенный с разных теоретических перспектив, включая пси-

хогеографию. Оригинальное прочтение романа Макьюэна “Saturday” связывает привилегированное положение семьи главного героя в центре города, нависшую над ним опасность и «виктимность» с ее неспособностью охватить взглядом всю социальную жизнь Лондона, вынужденное неведение о «другом». Кроме того, разрушение равновесия в счастливом жизненном укладе, приуроченное Макьюэном к 15 февраля 2003 г., не случайно совпадает с массовой демонстрацией против войны в Ираке. Тесная связь современности и террористической угрозы в криминальном и травматическом сюжете, положенном на описания лондонской топографии, обнаруживается в романе Эмиса “Yellow Dog”. Интересны размышления о подземном Лондоне как «месте памяти» (lieu de memoire) в целом ряде современных романов – у Тобиаса Хилла “Underground” (1999), Конрада Уильямса “London Revenant” (2004), Нила Геймана “Nowhere” (1996). Кроме того, предложено одно из первых прочтений романа Зэди Смит “NW” (2012) сквозь призму городского интертекста Вулф и Соммерфилда.

В целом книга о парадоксах Лондона, наряду с Нью-Йорком и Токио, воплощающими наивысшую степень глобализации (С. Зассен) и предстающими во «множественности обликов» (“multiplicity of appearances”) и постоянном движении, оставляет впечатление крайней неупорядочен-

ности тематических блоков, собранных под зонтичной теорией Жижека, в основной части сборника упоминаемого крайне редко.

Каждое новое поколение художников и исследователей Лондона предлагает карту непознаваемого города будто поэтическую карту, которая предшествует территории (Бодрийяр) и продолжает «переписывать» город поверх прошлых помет.

References

Bailey, P. (1996) *Oxford Book of London*. Oxford: Oxford University Press.

Beaumont, M. (2015) *Nightwalking: A Nocturnal History of London, Chaucer to Dickens*. London and New York: Verso.

Benjamin, W. (1973) *Charles Baudelaire: A Lyric Poet in the Era of High Capitalism*, trans. Harry Zohn. London: New Left Books.

Boynton, P. (1913) *London in English Literature*. Chicago: Chicago University Press.

Corton, Ch. (2015) *London Fog: The Biography*. Cambridge, MA and London: The Belknap Press of Harvard University Press.

Gelley, A. (1993) City. Texts: Representation, Semiology, Urbanism. In Mark Poster (Ed.) *Politics, Theory, and Contemporary Culture*. New York: Columbia University Press, 237–261.

Hertel, K. (1997) *London zwischen Naturalismus und Moderne: Literarische Perspektiven einer Metropole*. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter.

Hubble, N., Tew, Ph. (2018) *London in Contemporary British Fiction. The City Beyond the City*. London: Bloomsbury.

Hubbard, Ph., Kitchin, R. (2011) *Key Thinkers of Space and Place*. London: Sage.

Manley, L. (2011) *Cambridge Companion to the Literature of London*. Cambridge: Cambridge University Press.

Perfect, M. (2014) *Contemporary Fictions of Multiculturalism: Diversity and the Millennial*

London Novel. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Pleßke, N. (2014) *The Intelligible Metropolis: Urban Mentality in Contemporary London Novels*. Bielefeld: Transcript Verlag.

Tschumi B. (1994) *Architecture and Disjunction*. Cambridge, MA; MIT Press.

Wolfreys J. (1998) *Writing London: the trace of the urban text from Blake to Dickens*. London: Macmillan Press.

NEW BOOKS ON LONDON LITERARY REPRESENTATION

Olga A. Dzhumaylo, Full Professor (Philology), the Head of the Department of World Literature and Criticism at Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: dzum2@yandex.ru

Abstract. This review of monographs which address London representation in fiction dwells along history and methodology of London literary studies abroad, which were greatly influenced by Cultural and Spatial Turns. It is argued that traditional semiotic approach towards city text is seriously complicated by non-representation theories, performative, discursive and narratological theories. In a number of monographs close but not fully identical notions of Lotman's "city-text" are used. Among them: "narrated city", "urban narrative", "fiction of space", and "city novel", which grows into a specific novel genre. Deconstructivist interpretation of "city text" is introduced by Wolfreys, who considers city to be always connected with cultural and historical contexts but at the same time forming its own existence in the process of permanent dynamic change, and, in such a way, becoming a "textual place" itself.

Recent literary studies of London representation often use metaphor-based concepts, such as palimpsest, labyrinth, parallax view (Zizeck), which help to consider city topography, history and identity in its specific mentality, organic unity of thinking, imagination, affective and performative practices in different forms of city social and cultural experience (Pleßke). Contemporary London is seen as a formative element in permanent transition and reconstruction, which in its turn demands a flexible view of a city scholar, who is voluntary capable to get rid of any determinants (Wolfreys).

In more details the following newly published monographs are reviewed: Corton, Ch. (2015) "London Fog: The Biography"; Beaumont, M. (2015) "Nightwalking: A Nocturnal History of London"; Perfect, M. (2014) "Contemporary Fictions of Multiculturalism: Diversity and the Millennial London Novel"; Hubble, N., Tew, Ph. (2018) "London in Contemporary British Fiction. The City Beyond the City".

Key words: London text, Cultural Turn, Spatial Turn, Urban studies, London.

